

О единстве добродетели и счастья
Скворцов Алексей Алексеевич,
старший преподаватель, к.ф.н.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философ-
ский факультет, Москва, Россия.
lambis@mail.ru

Одной из самых важных проблем этического знания остаётся доказательство тезиса о необходимой связи морального поведения и счастья. По сути, это отношение является важной составляющей нравственного идеала, представленного в виде торжества высшей справедливости: за добродетельную жизнь каждый получит воздаяние благом, за злые поступки – воздаяние наказанием. Моральное сознание верит в осуществимость такого порядка, но как показать, что вера находит подтверждение в реальности?

В истории этической мысли вопрос о соотношении нравственности и счастья находил следующие наиболее характерные решения.

1) Утверждение, которое с определёнными оговорками можно приписать всей античной философии: в награду за добродетельную жизнь необходимо следует счастье. Это тождество простирается от абсолютистского толка, представленного в философии стоиков и киников: для счастья достаточно только добродетели, до умеренной трактовки в этике Аристотеля и Эпикура. Аристотель разумно разделил счастье как жизнь, согласную с добродетелью, и блаженство, для которого помимо добродетельности требуются «дары судьбы»: здоровье, богатство, силы, талант и т.д. Важно отметить, что античная философия понимала счастье не как случайное совпадение событий, а как закономерное следствие из моральной жизни.

2) Христианское мировоззрение, трактующее земное счастье как мимолётное, иллюзорное состояние в сравнении с блаженством вечной жизни. Для достижения райского блаженства недостаточно добродетельной жизни в узко-моральном смысле. Добродетель должна быть основана на религиозной жизни, но помимо неё требуется действие божественной Благодати. Своими силами человек не может достичь блаженства, но это не обесценивает добродетель, которая в любом случае вменяется в обязанность.

3) Третье решение отрицает саму возможность тождества нравственности и счастья. Его источник находится в мироощущении античной трагедии, где праведность часто осуждается на гибель. Оказывается, нравственное поведение никак не может привести к счастью, ибо оно всегда связано с жертвенностью и самоотречением. В новоевропейской философии это мнение стало популярно в философии жизни, отказавшейся от сугубо рационального толкования человеческого бытия и рассказавшей миру об абсурдности и несоизмеримости нашей жизни с её общепринятыми оценками.

4) Наконец, ещё одно известное решение было предложено И. Кантом. С его точки зрения, счастье – естественное стремление человека, но моральная жизнь разумного существа не может зависеть от чувственного, сугубо индивидуального представления о благе. Тем не менее, моральное сознание верит в торжество высшей справедливости. Как же совместить два взаимоисключающих рассуждения? Ответ Канта хорошо известен: тождество нравственности и добродетели достижимо, если мы будем верить в продолжение нашей жизни после смерти и в существование абсолютно справедливого Судьи, который воздаст всем по заслугам. Бытие Бога и бессмертие души Кант называет «постулатами практического разума», т.е. утверждениями, принимаемыми на веру, но без которых невозможна нравственная жизнь.

Однако более значительной заслугой Канта в решении этого вопроса представляется то обстоятельство, что он впервые сформулировал данную проблему именно на философском языке, представив её в виде антиномии и добавив в неё особой остроты, доходящей до трагизма. Что всё-таки из чего происходит: добродетель из желания счастья, или наоборот? Первое утверждение ложно по уже указанным причинам. Второе тоже

ложно; Кант апеллирует к здравому рассудку: в жизни так не бывает, чтобы нравственность вела обязательно к счастью. Но если это так, то следует страшный для морального сознания вывод: если моральность не ведёт к счастью, зачем же она нужна? Получилось, что Кант, решая, казалось бы «дежурную» проблему этики, поставил под сомнения её основы. Но путь решения, предлагаемый Кантом, не менее оригинален, чем сама форма вопроса. Он полагает, что бессмысленно рассматривать моральность и счастье в каузальной связи. Моральный закон – сущность из умопостигаемого мира, счастье – их эмпирического. Ноуменальный мир лежит в основе феноменального, но это не значит, что между ними отношение причины и следствия.

Последнее замечание Канта, на наш взгляд, имеет важнейшее значение для этики. Рассматривать проблему соотношения моральности и счастья в каузальном отношении, означает рационализировать то, что в нашей жизни существует в виде непосредственной реальности нравственного опыта. Здравый смысл – разновидность обыденного рассудка – подсказывает, что в жизни справедливости нет. Праведники страдают, более того, они, как правило, из-за своего желания помогать становятся жертвами зла. Напротив, злодеи, ставшие причиной несчастья множества людей, по-видимому, наслаждаются жизнью. Неужели нравственное сознание вынуждено вечно мириться с таким положением дел?

Нет, оно никогда не согласится с несправедливостью. Снова вспомним И.Канта: мы не должны делать выводы о сути добродетели, опираясь на окружающий нас эмпирический порядок. Счастье не может механически следовать из добродетели только по одной самой простой причине: их в принципе невозможно разделить. В этом плане Кант был совершенно прав, указывая, что тождество добродетели и счастья составляет одну из краеугольных идей морального сознания. Счастье – это и есть иная сторона добродетели. Конечно, этот тезис звучит слишком радикально и требует пояснений. Всё зависит от смысла, который мы вкладываем в понятие счастья. В данном случае нами утверждается, что добродетельная жизнь ведёт личность к такому возвышенному состоянию, которое можно назвать подлинной жизнью. То есть тождество моральности и счастья доказывается не рационально (как причина и следствие), а экзистенциально как обретение человеком подлинного бытия. Кратко приведём аргументы в пользу доказательства этой мысли.

1) Добродетельная жизнь предполагает отсутствие в душе ненависти, зависти, злобы, ехидства, коварства, т.е. всего, что уничтожает саму возможность внутреннего блаженного состояния.

2) Нравственное существование необходимо предполагает участие и помощь нашим ближним. Поэтому моральной личности доступны все ценности, которые даёт нам доверительное общение с людьми. Только зло выстраивает вокруг себя стену подозрительности и непонимания.

3) Ещё одна характеристика добродетели – осуществление высших ценностей человеческой жизни, таких как долг, справедливость, милосердие, служение; всё то, что наполняет жизнь смыслом. Соответственно обретение смысла жизни – важнейший шаг к обретению счастья.

4) Наконец, мы понимаем, что моральность не избавит нас от страданий, и проблема «страдающего праведника» в нашем мире особо актуальна. Но нельзя понимать страдания только как зло. Л.Н. Толстой много раз повторял: страдания делают жизнь такой, какой она и должна быть – духовной. Это очевидно даже на житейском уровне, поскольку мы понимаем, что для собственного совершенствования требуются борьба, самопреодоление и терпение. Жизнь, лишённая страданий, наполненная только удовольствием, становится пустой и далёкой от счастья.

Получается, что видимое с первого взгляда несовпадение моральности и блаженства касается только такого сознания, которое не желает идти по пути добродетели. Напротив, неуклонное стремление осуществить полноту нравственной жизни лучше всего свидетельствует о единстве добродетели и счастья.